

УДК: 81-114.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-51-60

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧИСТОТЫ И ПРЯМОЛИНЕЙНОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ В. МАТЕЗИУСА И ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НАШИХ ДНЕЙ

Федосюк М. Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель статьи – проанализировать взгляды В. Матезиуса и других членов Пражского лингвистического кружка на критерии определения нормы литературного языка и оценить эти взгляды, с одной стороны, в контексте современных проблем нормализации языка, а с другой стороны – с позиций теоретических концепций современной лингвистики.

Процедура и методы. Статья содержит, во-первых, синтез различных высказываний пражских лингвистов о критериях литературной нормы, а во-вторых, попытку применения результатов этого синтеза при рассмотрении спорных вопросов нормализации некоторых явлений русского языка наших дней. При реализации этой попытки используются методы функционального и системного анализа языка.

Результаты. Результатом проведённого исследования является выделение четырёх критериев определения литературной нормы и определение иерархических отношений между ними. Выделяются критерии: (1) исторической чистоты языка, (2) регулярности моделей построения языковых единиц, (3) языковой практики и, наконец, (4) соответствия определённых вариантов языковой единицы коммуникативным потребностям носителей языка на данном этапе его развития. Показано, что с большой долей вероятности именно варианты, соответствующие коммуникативным потребностям носителей языка, с течением времени вытеснят все прочие варианты.

Теоретическая значимость выполненного исследования состоит в том, что оно вносит вклад в современную теорию нормализации языка. **Практическая значимость** работы связана с возможностью применения полученных результатов при составлении нормативных словарей, справочников по культуре речи и пособий по литературному редактированию, а также в рамках школьного и вузовского преподавания лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: критерии литературной нормы, историческая чистота, прямолинейная регулярность, языковая практика, функциональность

PRINCIPLES OF HISTORICAL PURITY AND STRAIGHTFORWARD REGULARITY IN THE CONCEPTION OF V. MATHESIUS AND IN DETERMINING NORMS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF OUR DAYS

M. Fedosyuk

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the article is to analyze the views of V. Mathesius and other members of the Prague Linguistic Circle based on the criteria for determining the literary language norm and evaluate these views, on the one hand, in the context of modern problems of language normalization, and on the other hand, from the standpoint of theoretical concepts of modern linguistics.

Methodology. The article contains, firstly, a synthesis of various statements of Prague linguists about the criteria of the literary norm, and secondly, an attempt to apply the results of this synthesis when considering controversial issues of normalizing some phenomena of the Russian language of our days. When implementing this attempt, methods of functional and system analysis of the language are used.

Results. The result of the study is the selection of four criteria for determining the literary norm and the definition of hierarchical relationships between them. These criteria are: (1) the historical purity of the language, (2) the regularity of models for constructing language units, (3) language practice, and, finally, (4) the correspondence of certain variants of a language unit to the communicative needs of native speakers at a given stage of language development. It is shown that, with a high degree of probability, the variants corresponding to the communicative needs of native speakers will eventually displace all other variants.

Research implications. The theoretical significance of the study is that it contributes to the modern theory of language normalization. The practical significance of the work is related to the possibility of applying the results obtained in the preparation of normative dictionaries, reference books on the culture of speech and manuals on literary editing, as well as in the practice of school and university teaching of linguistic disciplines.

Keywords: literary norm criteria, historical purity, straightforward regularity, language practice, functionality

Введение

Важным вкладом В. Матезиуса и других членов Пражского лингвистического кружка в развитие лингвистики является разработанная ими теория литературного языка, и в частности определение принципов «культуры языка» – термин, который не следует путать с термином «культура речи». Если под культурой речи в русистике традиционно понимается в первую очередь «владение нормами литературного языка ... в его устной и письменной форме, а также умение использовать выразительные средства языка в соответствии с целями и содержанием речи»¹, то культура языка – это, скорее, комплекс требований, которым должна отвечать норма литературного языка.

В задачи настоящей статьи входит рассмотрение представлений В. Матезиуса и других членов Пражского кружка

о критериях литературной нормы. Эти представления будут рассмотрены, с одной стороны, в контексте современных проблем нормирования языка, а с другой – с учётом актуальных концепций современной лингвистики.

1. Критерии исторической чистоты, регулярности и языковой практики при определении литературной нормы

«Под культурой литературного языка, – писал В. Матезиус, – мы понимаем сознательную обработку литературного языка. Она может осуществляться следующими путями: 1) с помощью теоретических работ по лингвистике; 2) при обучении языку в школе; 3) в процессе писательской практики» [8, с. 210].

Как показал В. Матезиус, при определении литературной нормы в культуре языка нередко противоборствуют две тенденции – «принцип исторической чистоты языка» и «принцип прямолиней-

¹ Шмелев А. Д. Культура речи // Русский язык: Энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 295–296.

ной регулярности». «Когда речь идет о языковой правильности, – читаем мы у В. Матезиуса, – сторонники исправления языка выдвигают на первый план идею **исторической чистоты языка**. По их мнению, в современном литературном чешском языке лишь то бесспорно, что употреблялось в языке еще до начала XVII в., да и то *mutatis mutandis* лишь в той форме и в той функции, какие были свойственны древнему языку» [8, с. 195].

О противоположной тенденции – принципе прямолинейной регулярности – В. Матезиус пишет так: «Хорошо известно, что язык стремится к регулярности в формах своих выразительных средств, но вместе с тем мы знаем, что он никогда не может достичь этой регулярности, так как данная тенденция сталкивается с противодействием. Поборники прямолинейной регулярности ссылаются лишь на первый из этих факторов. Исходя из этого, они предъявляют литературному языку требование строгой регулярности языковых явлений и возводят эту регулярность на уровень критерия языковой правильности. В тех случаях, когда язык не достиг подобной регулярности или утратил ее, они навязывают ему последнюю силой» [8, с. 200].

Как видим, каждый из только что упомянутых принципов определения литературной нормы оперирует своими критериями. С одной стороны, речь идет о **критерии исторической чистоты**, а с другой – о **критерии регулярности**. Путь разрешения конфликта между этими двумя критериями В. Матезиус видит в обращении к третьему критерию, который можно назвать **критерием языковой практики**. Учёный пишет: «Принцип исторической чистоты и требование прямолинейной регулярности не могут быть, следовательно, ни каждый в отдельности, ни оба вместе надежной базой для установления стабильности в литературном чешском языке. Если чересчур полагаться на них, то в конце концов нарушается

уже достигнутая стабильность, а тем самым подрывается одно из главных условий языковой отшлифованности. Если мы действительно хотим добиться стабильности нашего литературного языка, то мы должны опереться на единственно оправданную базу, то есть на современную норму чешского литературного языка. Эту норму, поскольку нет какого-либо кодекса разговорной речи, можно установить, исходя из языковой практики хороших чешских авторов, представленной чешской литературой последнего пятидесятилетия, литературой в самом широком смысле слова – художественной и научной» [8, с. 202].

Понятно, что приведённые выше рассуждения В. Матезиуса имели непосредственное отношение к конкретным проблемам определения нормы в чешском литературном языке первых десятилетий XX века [7, с. 138–141]. Однако принципы, которые лежат в их основе, нельзя не признать актуальными для теории литературного языка в целом и применительно к нормализации русского языка наших дней в частности. При этом, однако, бросается в глаза, что и последний из упомянутых критериев – критерий языковой практики, предложенный В. Матезиусом в качестве ведущего, не представляется достаточно надёжным. Неясно, как применять этот критерий, например, (1) если разные исследователи будут считать «хорошими» разных авторов, (2) если в произведениях авторитетных авторов будут с приблизительно одинаковой частотой встречаться два различных варианта рассматриваемой языковой единицы и, наконец, (3) если потребуется определить степень нормативности новой единицы, которая пока ещё не получила отражения в текстах авторов последних десятилетий.

2. Критерий функциональности при определении литературной нормы

Учитывая сказанное, представляется целесообразным добавить к трём вышеупомянутым критериям литератур-

ной нормы, которые были предложены В. Матезиусом, ещё один – **критерий функциональности**. Этот критерий очевидным образом вытекает из «Тезисов Пражского лингвистического кружка», которые начинаются со следующего утверждения: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [13, с. 17]. В последующем тексте «Тезисов» читаем: «В науках, имеющих дело с эволюцией, к числу которых принадлежит и историческая лингвистика, представление о произвольном и случайном характере возникновения явлений (даже если они реализуются с абсолютной регулярностью) постепенно уступает место понятию связи согласно законам развивающихся явлений (номогенез). Точно так же в объяснении грамматических и фонологических изменений теория конвергирующей эволюции отодвигает на второй план представление о механическом и случайном характере распространения явлений» [13, с. 19].

Заметим, что это положение Пражского лингвистического кружка является конкретизацией и развитием утверждения В. фон Гумбольдта о том, что своеобразии устройства любого языка бывает обусловлено особенностями «национального духа» данного народа. Как известно, В. фон Гумбольдт писал о языке: «Он всеми тончайшими нитями своих корней сросся ... с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем стройном сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации (Wirkung des nationalen

Sprachsinns), и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, – а ведь именно тут мы подходим к истокам важнейших языковых различий, – вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности» [5, с. 47]. Необходимо добавить, что в XX в. это положение получило ещё большую конкретизацию в трудах по системной типологии языков Г. П. Мельникова и его последователей. Как утверждает Г. П. Мельников, особенности устройства каждого из языков бывают обусловлены типичными коммуникативными потребностями коллектива его носителей [9; 10].

Если солидаризироваться с утверждением чешских лингвистов об обусловленности языковых явлений функциями языка, то легко прийти к выводу о том, что ещё одним критерием литературной нормы должно быть соответствие рассматриваемого варианта языковой единицы тем коммуникативным потребностям носителей рассматриваемого языка, которые характерны для данного этапа развития этого языка. Учёт этого критерия, критерия функциональности, может быть очень полезен в тех случаях, когда критерий исторической чистоты и критерий языковой практики не дают однозначных результатов, например в тех ситуациях, когда необходимо определить степень нормативности новой формы, которая пока ещё не получила статистического перевеса над формой, подкреплённой традицией.

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами.

Пример первый – развивающаяся на протяжении последних примерно пятидесяти лет тенденция к несклоняемости в русском языке географических названий на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Вместо *Я живу в Медведково*, *Я вернулся из Останкина* многие носители русского языка (например, современные студенты) не только предпочитают говорить *Я живу в Медведково*, *Я*

вернулся из Останкино, но ещё и настаивают на неправильности тех вариантов высказываний, в которых географические названия рассматриваемого типа склоняются [2; 4, с. 138–140].

Если при определении того, какой из приведённых выше вариантов принадлежит норме, руководствоваться критериями исторической чистоты и регулярности, то придётся признать нормативными варианты типа *Я живу в Медведково*. Если же руководствоваться критерием языковой практики, то похоже, что близок к победе вариант *Я живу в Медведково*.

Представляется, что ясность в этот вопрос может внести рассматриваемый нами критерий функциональности. Дело в том, что традиционные варианты типа *Я живу в Медведково* не полностью соответствуют коммуникативным потребностям современных носителей русского языка. Поскольку эти варианты неоднозначны, они не дают возможности определить, какова начальная форма топонима: называется ли населенный пункт, который упоминает говорящий, *Медведков* или *Медведково*?

Может возникнуть вопрос: а в первой половине XX в. и, тем более, в XIX в. старая норма склонения топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)* коммуникативным потребностям носителей русского языка соответствовала? Представляется, что на этот вопрос следует дать положительный ответ. Коммуникативные потребности, а следовательно, и литературные нормы стали меняться в связи с изменением характера русского языкового коллектива, а именно вследствие роста его неоднородности, который был обусловлен усилением внутренней миграции российского населения. Данный процесс начался на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими, и усилился после революции 1917 г. В этом отношении очень интересна та глава книги А. М. Селищева «Язык революционной эпохи», где автор описы-

вает элементы разных диалектов русского языка, сохранявшиеся в начале XX в. в речи рабочих московских заводов и фабрик [12, с. 198–209]. Неоднородность русского языкового коллектива продолжала увеличиваться во второй половине XX в., и в результате у говорящих стала вырабатываться потребность учитывать, что знания адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями.

Если исходить из этого тезиса, то логично утверждать, что до начала XX в., когда русскому языковому коллективу была свойственна высокая степень однородности, норме соответствовали склоняемые формы топонимов на *-ино*, *-ово*. В то время москвич-адресат, слыша фразу *Я живу в Останкине*, хорошо понимал, что начальная форма данного топонима – *Останкино*. Однако позднее, с активизацией внутренней миграции, достаточно типичными стали ситуации, когда коммуниканты, выходцы из разных регионов страны, слыша, например, фразу *Я родом из Рязанской области: родился в Захарове, а детство провёл в Михайлове*, едва ли могли понять, что речь идёт о расположенных в Рязанской области селе Захарово (ср. р.) и городе Михайлов (м. р.). Естественно, что во избежание недоразумений говорящий, скорее всего, либо должен был добавлять к каждому из упомянутых топонимов видовое наименование (*Я родился в селе Захарово, а детство провёл в городе Михайлов*), либо вынужден был употреблять существительное среднего рода *Захарово* в форме именительного падежа (*Я родился в Захарово, а детство провел в Михайлове*) [ср. 15].

Принимая во внимание взаимодействие критериев языковой практики и функциональности (хотя и не упоминая этот последний), современные грамматики и учебные пособия обычно квалифицируют как соответствующие норме оба варианта падежных форм топонимов типа *Медведково* и *Останкино*. Вот как написано об этом, например, в учебном

пособии И. Б. Голуб: «Учитывая динамику и активность процесса закрепления в речи перечисленных топонимов в неизменяемой форме, практическая стилистика санкционирует такое их употребление в разговорной речи, в специальной литературе, не рекомендуя, однако, несклоняемые формы для строгого литературного употребления. Но если наименование на -о заключено в кавычки, то в письменной речи оно должно употребляться без изменения: *В совхозе «Шарапово», неподалеку от Подольска, под одной крышей разместятся две тысячи коров (из газ.)*» [3, с. 236].

Похожую оценку мы находим и в «Русской грамматике – 1980», где говорится: «Географические названия на -ово, -ево и -ино: *Иваново, Бирюлево, Кунцево, Сараево, Болдино, Бородино, Голицыно* и под. в современной разговорной, профессиональной, газетной речи обнаруживают тенденцию к неизменяемости. Несмотря на это в письменной речи, в соответствии с действующими грамматическими правилами, географические названия на -ов(о), -ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о) склоняются: *В небе над Тушином (газ.); Речь идет об аэропорте в Шереметьеве (газ.)*. Несклоняемость географических наименований нормальна в следующих случаях:

1. Если такое наименование является приложением к одному из следующих обобщающих слов: *село, деревня, посёлок, станция, становище, реке – город: в селе Васильково, в поселке Пушкино, в деревне Белкино, на станции Гоголево.*

2. Если населённый пункт назван собственным именем известного лица: *около Репино (назв. поселка под Ленинградом), недалеко от Лермонтова (назв. небольшого города около Пензы)*» [11, с. 505–506].

Обратимся к рассмотрению второго примера. В последнее десятилетие, подсознательно руководствуясь принципом прямолинейной регулярности, некоторые носители русского языка (как правило, приверженцы «любительской

лингвистики» [6]) призывают дополнить русский язык «недостающими» феминативами (в другой терминологии феминативами) – существительными женского рода, образованными от существительных мужского рода и обозначающими женщин по профессии, должности или званию, например *авторка, юристка или режиссёрка* (см об этом [1; 16]).

Однако, с точки зрения научной лингвистики, пары слов типа *автор – авторка* находятся в том типе отношений, который Н. С. Трубецкой (между прочим, тоже член Пражского лингвистического кружка) именовал привативными оппозициями. «**Привативными**, – писал он, – называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой – отсутствием признака, например “звонкий – незвонкий”, “назализованный – неназализованный”, “лабиализованный – налабиализованный” и т. д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется “**маркированным**”, а член оппозиции, у которого признак отсутствует, – “**немаркированным**”» [14, с. 82–83].

В рассматриваемых нами случаях феминативы типа *авторка* являются маркированными членами оппозиции, поскольку противопоставлены существительным мужского рода типа *автор* наличием добавочной семы – ‘женский пол’. При этом существительные мужского рода гендерной информации, как правило, не несут. Таким образом, если слово *автор* означает ‘человек, создавший какое-либо произведение’, то слово *авторка* значит ‘человек, создавший какое-либо произведение и при этом женщина’.

Однако всегда ли отправители речи испытывают потребность в добавлении к профессиональному статусу человека ещё и информации о его гендере? Очевидно, что нет. Не случайно авторы словаря «Грамматическая правильность русской речи» пишут: «В строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе, отчасти и

в разговорной речи развивается тенденция к использованию существительных мужского рода для названия женщин. Даже в тех случаях, когда легко образуется суффиксальная параллель женского рода, предпочитается «мужской» вариант с обобщенным значением деятеля безотносительно к полу названного лица: Поездка в Советский Союз была полезной и очень приятной, заявила общественный деятель Филиппин супруга президента Филиппин Имельда Маркос (Известия, 28 марта 1972); Татьяна Талеева – учитель-библиотекарь – окончила ненецкое отделение педучилища (Сов. Россия, 13 февр. 1968); Женщина – постановщик художественного фильма вообще не столь частое явление в кинематографии (Лит. газета, 15 марта 1972); Выступившая на нем председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы, член Политбюро ЦК БКП Цола Драгойчева говорила об огромной и решающей роли СССР в подготовке болгарских кадров (Известия, 17 марта 1972) и мн. др.» [4, с. 103].

Сторонники порождения новых феминативов полагают, что их отсутствие свидетельствует о осознанном или подсознательном принижении социальной роли женщин. Вот что утверждает, например, автор, охарактеризованный в интернете как «социальный исследователь и критик культуры», Марина Симанова: «Как правило, в русском языке те профессии, которые принято связывать с высоким статусом и ответственностью, имеют только мужскую форму – директор, автор, председатель, пилот и т. д. На это можно возразить, сказав, что все эти слова имеют иностранное происхождение, но подобное возражение ничего не объясняет: тот факт, что у профессии не нашлось женского аналога (не выработалось в процессе ассимиляции слова) или не было принято вместе с мужской версией из иностранного языка (если он там имеется), определённым образом говорит о той или иной культуре. Очевидно, что большинство людей, стоящих на

позициях гендерного равенства, видит в этом проблему. Принудительное введение феминитивов в речь представляет собой один из способов её разрешения»¹.

Утверждение о высоком статусе и ответственности тех профессий, обозначения которых не имеют феминитивов, может быть подтверждено и следующим наблюдением: «В литературном употреблении отмечен обширный разряд наименований лица в мужском роде, к которым нет параллельных соответствий женского рода. К ним относятся следующие существительные: официальные, административные и должностные, названия типа *премьер-министр, президент, министр, дипломат, посол, директор, адвокат, эксперт, референт, агент, фармацевт, врач* и т. д.; обозначения ученых степеней и званий типа *доктор наук, кандидат наук, профессор, доцент*; социально-оценочные характеристики и наименования типа *товарищ, член* (партии, профсоюза, правительства), *лауреат, герой, вождь, борец*; названия лиц по военным специальностям и служебным званиям типа *боец, воин, офицер, пилот, сержант, майор, минер, капитан* и мн. др.» [4, с. 100].

Однако, если исключить из рассмотрения наименования таких должностей и званий, которые долгое время были чисто мужскими (*сержант, майор, капитан*), и названия, для которых образование феминативов вызывает затруднения чисто словообразовательного характера (*электрик, машинист, пилот*), то отсутствие феминативов для многих профессий легко можно объяснить тем, что обозначения этих профессий редко употребляются в речи с целью вызывать в сознании адресатов образы конкретных людей.

¹ Пророкова М. Психология свободы: Насколько «авторка» и другие феминитивы вписываются в правила русского языка? [Электронный ресурс] // Furfur: [сайт]. URL: <http://www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/217475-femininity> (дата обращения: 18.03.2022).

Сравним следующие два ряда примеров:

(1) *В концерте примет участие солистка Государственного академического Большого театра; Сегодня мне надо принять отработки у одной нашей студентки; Я долго не мог купить бутылку воды, потому что буфетчица куда-то отлучилась.*

(2) *Наш терапевт посоветовала мне обратиться к кардиологу; Сегодня по радио выступит автор этой книги; Вы уже прочитали последний приказ ректора?*

Совершенно очевидно, что наименования людей из первого ряда примеров, как правило, используются для обозначения конкретных людей и, чтобы возбудить в сознании адресатов их образы, важна информация о гендере этих людей. В свою очередь, наименования должностей и статусов из второго ряда примеров гораздо чаще обозначают не реально наблюдаемых людей, а неких субъектов, существование которых предполагается наличием медицинского учреждения, книги или университета. Возбуждение в сознании адресатов конкретных образов этих людей, как правило, не требуется, и потому у носителей языка нет потребности в существовании в литературном языке слов **терпевтка*, **кардеология*, **авторка* или **ректорка*.

Заключение

В трудах В. Матезиуса и в других работах, посвящённых принципам определения норм литературного языка, перечисляется несколько критериев, позволяющих считать ту или иную языковую единицу соответствующей литературной норме. Это критерии исторической чистоты, регулярности и языковой практики. Однако относительная значимость каждого из этих критериев чётко не определена. В результате разные исследователи, придавая высокую значимость разным критериям, могут признавать нормативными различные варианты одной и той же языковой единицы: те варианты, которые соответствуют исторической традиции, варианты, реализующие регулярность языковых явлений, либо, наконец, варианты, отражающие языковую практику последних десятилетий. Представляется, однако, что наиболее значимым следует считать ещё один критерий – критерий соответствия варианта языковой единицы коммуникативным потребностям носителей рассматриваемого языка на данном этапе его развития. Есть основания ожидать, что именно варианты, соответствующие коммуникативным потребностям носителей языка, с течением времени вытеснят все прочие варианты.

Дата поступления в редакцию 13.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельская А. Сексизм в языке: Мифы и реальность. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. 328 с.
2. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 185–267.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: АЙРИС-пресс, 1997. 448 с.
4. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976. 456 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
6. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Миръ; Московские учебники, 2009. 240 с.
7. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
8. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. М.: УРСС, 2003. 232 с.
9. Мельников Г. П. В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 13–20.
10. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.

11. Русская грамматика. В 2-х томах. Том I / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 784 с.
12. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Editorial URSS, Либроком, 2017. 250 с.
13. Тезисы Пражского лингвистического кружка (пер. В. А. Матвеевко) // Пражский лингвистический кружок / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 17–41.
14. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.
15. Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день ... Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на -ино, -ово // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 333–341. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-333-341
16. Фуфаева И. В. Как называются женщины: Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020. 304 с.

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya A. *Seksizm v yazyke: Mify i real'nost'* [Sexism in language: Myths and reality]. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci Publ., 2011. 328 p.
2. Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar]. In: *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 185–267.
3. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, AYRIS-press, 1997. 448 p.
4. Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovaryia variantov* [Grammatical correctness of Russian speech: Experience of the frequency-stylistic dictionary of variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 456 p.
5. Humboldt W. von. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. 400 p.
6. Zaliznyak A. A. *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [From Notes on Amateur Linguistics]. Moscow, Russkiy Mir; Moskovskiy universitet Publ., 2009. 240 p.
7. Kondrashov N. A. *Slavyanskiye yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1986. 239 p.
8. Mathesius V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2003. 232 p.
9. Mel'nikov G. P. [What is the originality of the Russian language and what factors determine it]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 2 (40), pp. 13–20.
10. Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [System typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
11. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. V 2-kh tomakh. Tom I* [Russian grammar. In 2 volumes. Volume I]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.
12. Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary era. From Observations on the Russian Language (1917–1926)]. Moscow, Editorial URSS Publ., Librokom Publ., 2017. 250 p.
13. Matveenko V. A., transl. [Abstracts of the Prague Linguistic Circle]. In: Kondrashov N. A., comb., ed. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 17–41.
14. Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 372 p.
15. Fedosyuk M. Yu. ["Nedarom pomnit vsya rossiya pro den' ... Borodino", or why toponyms ending on -ino, -ovo stop to be declined]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 5, pp. 333–341. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-333-341
16. Fufayeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenschiny: Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsia* [What are women called: Femininitives: history, structure, competition]. Moscow, Corpus Publ., 2020. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федосюк Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michail Yu. Fedosyuk – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Comparative Language Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федосюк М. Ю. Принципы исторической чистоты и прямолинейной регулярности в концепции В. Матезиуса и при определении норм русского литературного языка наших дней // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3. Т. 2. С. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-51-60

FOR CITATION

Fedousyuk M. Yu. Fedosyuk M. Yu. Principles of historical purity and straightforward regularity in the conception of V. Mathesius and in determining norms of the Russian literary language of our days. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 3, vol. 2, pp. 51–60. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-51-60